

Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма?

М. А. Васильева✉

Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉ ma.vasilyeva@gmail.com

Введение. В статье обращено внимание к анализу различных исторических примеров символических пространств – пространств бытования образа, – чтобы рассмотреть, как устроены в них системы репрезентации и как они задают тон сложному процессу создания образа человека. Автор не полагает образ сознательным конструктом, полностью зависящим от этой внешней системы, но считает важным рассмотреть ее для более глубокого понимания всех сложных и взаимосвязанных процессов. Приводятся теоретические основания для легитимного сравнения практик репрезентации в Интернете и социальных сетях с практиками прошлого, которые разворачивались в специфических, семиотически нагруженных топосах: египетских гробницах, античном городе, средневековом храме и новоевропейском тексте.

Методология и источники. Теоретическая основа исследования находится на соприкосновении ряда подходов к анализу образа и образных систем: репрезентационистской, феноменологической, философско-антропологической, постструктуралистской. В качестве источников информации по отдельным пространствам репрезентации прошлого автор использует признанные исторические, культурологические и искусствоведческие исследования по соответствующим эпохам (В. Манли, М. Бирд, Д. Ю. Дорофеев, Р. В. Светлов, С. Зотов, М. Майзульс, М. Фуко и др.). Автор опирается на подробные описания публичных пространств, выделяет и сравнивает их характерные черты.

Результаты и обсуждение. Рассмотрев основные черты ряда символических пространств прошлого, автор показывает, как они неизбежно влияют на процесс построения образа, создавая саму систему репрезентации. В этом смысле и «город» и «текст» представлены в статье именно как концепты, смысловые поля и структуры, а не физические объекты. Автор приходит к выводу, что часто декларируемая новизна современных процессов символического обмена в Интернете может быть поставлена под сомнение. Полифоничность, высокое значение визуального компонента, адресация сообщений один ко многим и многие ко многим, активное использование «готовых» маркеров и символических «заготовок», иконичность используемых знаков – эти черты современной коммуникации в интернет-пространстве кажутся новыми лишь по сравнению с коммуникацией в рамках новоевропейского текста, тогда как и к античному городу, и к средневековому храму эти черты вполне применимы.

Заключение. Автор показывает сильное сходство современного Интернета именно с античным городом и средневековым храмом, в то время, как текст Нового времени сильно отличается от них, что и создает «новизну» актуальной ситуации. Это не сни-

жает интереса к современным практикам репрезентации, поскольку их специфичность совсем не обязательно должна выстраиваться через позицию новшества, ценную в культуре Нового времени.

Ключевые слова: образ, пространство бытования образа, символическое пространство, репрезентация, античный город, храм, текст, Интернет.

Для цитирования: Васильева М. А. Пространство бытования образа. Что общего у Интернета, античного города и средневекового храма? // ДИСКУРС. 2020. Т. 6, № 5. С. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 20-011-00385 «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 03.09.2020; принята после рецензирования 20.09.2020; опубликована онлайн 25.11.2020

The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common?

Marina A. Vasilyeva✉

Saint Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

✉ma.vasilyeva@gmail.com

Introduction. The article discusses various historical examples of symbolic spaces – spaces of the existence of an image – to consider how representation systems are arranged in them and how they set the tone for the complex process of creating an image of a person. The author does not consider the image as a conscious construct, which is completely dependent on this external system, but supposes that it is important to research it for a deeper understanding of the modern version of symbolic space and all complex and interrelated processes in it. Thus, the article provides theoretical grounds for a legitimate comparison of practices of the Internet and social media representation with the practices of the past which unfolded in specific, semiotic toposes: Egyptian murals in tombs, the ancient city, a medieval temple, and a European text of the Modernity.

Methodology and sources. The theoretical basis of this research is on the contact of a number of approaches to the analysis of the image and image systems: representationst, phenomenological, philosophical-anthropological, (post)structuralist. The author uses works in historical, cultural and art studies in the respective eras as sources of information on individual spaces of representation of the past (B. Manley, M. Bird, D. Yu. Dorofeev, R. V. Svetlov, S. Zotov, M. Maizuls, M. Foucault and others). The author relies on detailed descriptions of public spaces, identifies and compares their characteristic features.

Results and discussion. Having examined the main features of a number of symbolic spaces of the past, the author shows how they inevitably affect the process of building an image, creating the system of representation. In this sense, both “city” and “text” are presented in the article as concepts, semantic fields and structures, and not as physical objects. The author comes to the conclusion that there is no so much novelty of the modern processes of symbolic exchange on the Internet, as it is usually declared. Most of the actual space`s features which today are called new are found in other spaces and other times. Polyphony, the visual component, one-to-many and many-to-many message addressing, active use of “ready-made” markers and symbolic “blanks”, the iconic character of the signs used – these features of modern communication in the Internet space seem to be new only

in comparison with communication within the framework of the New European text. These features are quite applicable to the ancient city and to the medieval temple.

Conclusion. The author shows a strong similarity of the modern Internet precisely with an ancient city and a medieval temple, while the text of the Modernity differs from them, and that creates the “novelty” of the current situation. This does not diminish interest in modern practices of representation since their specificity does not necessarily have to be built through the position of innovation which was valuable in the culture of the Modernity.

Keywords: image, image space, symbolic space, representation, antique city, temple, text, Internet.

For citation: Vasilyeva M. A. The Space of an Image Existence. What do the Internet the Ancient City and the Medieval Temple Have in Common? DISCOURSE. 2020, vol. 6, no. 5, pp. 5–15. DOI: 10.32603/2412-8562-2020-6-5-5-15 (Russia).

Source of financing: the work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project No. 20-011-00385 “Iconography of Ancient and Medieval Philosophers in Orthodox Churches: Specificity of Visual Representation of Man in Russian Culture”).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 03.09.2020; adopted after review 20.09.2020; published online 25.11.2020

Введение. Образ человека, образ идеи или явления создается и складывается в определенной системе знаков. Несмотря на уникальность бытия каждого из нас, наш образ всегда несет на себе отпечаток той системы, в которой он может быть воспринят, в которой он просто может быть. Эта система с необходимостью включает в себя не только разнообразные наборы знаков и маркеров, практики их употребления, но и пространство, где разворачивается весь процесс от построения до восприятия образа (если, конечно, эти акты можно и зачем-то нужно разделять). Стоит отметить, что различные варианты этих пространств и систем репрезентации предполагают разный уровень сознательности действия. Так же как образ, воспринимаемый нами при личной встрече со знакомым, и его образ, который мы «встречаем» в символическом пространстве, отличаются по степени сознательного участия человека в его становлении. Это делает исследование таких символических пространств более значимым и интересным, поскольку демонстрируются проявления глобальных культурных установок и тенденций.

Методология и источники. Философская аналитика образа человека возможна со множества позиций: репрезентационистской, феноменологической, философско-антропологической, постструктуралистской и др. Каждая из них не отменяет все прочие, но по-своему расставляет акценты в определении и самом подходе к понятию образа, с необходимостью выстраивает и его исследования в определенном ключе. В данном случае предметом рассмотрения оказывается не сам образ, а среда его бытования, становления и восприятия – пространство репрезентации. Однако размещение его в центре отдельной статьи не означает фиксацию на пространстве репрезентации в глобальном взгляде на образ как таковой. Позиция автора в данном вопросе представляет собой балансирование на грани различных подходов, использование их инструментов и понятий. Пространство репрезентации не является чем-то создающим образ; это пространство, вместе со специфическими законами и практиками внутри него, скорее следует представить, как необходимый фон и структурирующий каркас образа. В свою очередь, образ в данном контексте определяется как «визуально-пластическая манифестация бытия человека и способа его существования» [1, с. 77].

В данном исследовании понятия «пространство бытования образа», «пространство репрезентации» и «символическое пространство» используются как синонимы. Поскольку не взирая на все их смысловые нюансы, они действительно обозначают одно явление – семиотически значимый топос или явление, которое может концептуализироваться через понятие пространства. В качестве подобных топосов и явлений (даже если речь идет о реальном пространстве, оно все равно обретает второе, символическое измерение) будут рассмотрены древние росписи дворцов и усыпальниц, античный город, римская усадьба, средневековый храм, текст (в широком смысле), Интернет и социальные сети. Все эти явления уже традиционно мыслятся в терминах пространства вне зависимости от своего физического измерения. Все они в разное время становились основным местом жизни образов: от образа человека до образов идей и концепций. С необходимостью оговаривая сложность процессов выстраивания образа и его восприятия, можно утверждать значимость этих пространств для целостности всей символической системы, которая разворачивается внутри них. Это не нейтральный фон, на котором существуют знаки, и даже не система их организующая, это целая «экосистема», вне которой образ просто не может состояться.

Несмотря на то, что обычно все исторические классификации явлений европейской культуры начинаются с греческой античности, в данном случае первым рассматриваемым символическим пространством станет роспись дворцов и гробниц территории Междуречья и Древнего Египта. Идея этого исследования не в том, чтобы показать преемственность или наоборот революционность каждого последующего варианта пространств репрезентации, а в том, чтобы рассмотреть черты различных пространств и новым взглядом оценить актуальные практики становления и восприятия образа. Однако при всем разнообразии культур, их исторических особенностей и (потенциально) специфики пространств репрезентации, не про все из них можно говорить с опорой на достоверный научный анализ практик репрезентации. Представленный в данном случае набор культурных ситуаций и соответствующих им символических пространств показывает разнообразие, выходящее за рамки привычной исторической линии, но в дальнейшем планируется его расширение сравнением с китайской, арабской, японской и другими традициями.

Результаты и обсуждения. Росписи древних дворцов, храмов и усыпальниц, в первую очередь, обращаются к темам мифологическим, ритуальным, а также к теме власти, которая для этого периода неотделима от первых двух. Образы человека появляются в этих росписях как часть мифологического сюжета. Можно сказать, что даже фигуры правителей в большей степени опираются именно на миф, а не на «реальный прототип» через разнообразные атрибуты власти. Яркие примеры такого «вписывания» человека в мифологический контекст можно найти как в ассирийских барельефах, в погребальном инвентаре египтян, так и более поздних римских надгробиях. Например, про золотые погребальные маски египтян обычно осторожно пишут, что они представляли собой «идеализированное лицо правителя» [2, с. 29], а фигура умершего обычно окружена богами и в Египте и в Риме. Важно, что не каждый человек имел право быть запечатленным, однако символическая фигура правителя с необходимостью должна была быть окружена фигурами подданных, поэтому мы находим образы «простых людей» и слуг, но они также оказываются символами и атрибутами власти и богатства.

В связи с этим интересны египетские росписи гробниц, которые в более поздние эпохи строились уже не только для фараонов, но и для их многочисленных приближенных. Эти

изображения, буквально создающие символическое пространство для жизни, интересны необычным подходом к онтологической трактовке понятия образ. Есть интересная теория, рассматривающая Ка, для которого создавался весь нарисованный на гробницах египтянами мир, не как душу человека, а его «нематериальный двойник» [3]. Эта идея, возможно, возникла у египтян, когда они заметили, что изображения человека и рассказы о нем словно создают его для нас при физическом отсутствии. Египтяне создавали в росписях мир, в котором у Ка будет достаточно благ. Более того, человек сам руководил росписью своей гробницы, создавая жизнь своему «двойнику». Такое видение ментальных процессов кажется несколько наивным, однако при физическом отсутствии египтянина N мы действительно сегодня можем воспринять его образ, постаравшись понять ту систему изображений, которые обнаруживаем в его усыпальнице. Через анализ ассирийских и египетских изображений можно наблюдать раннюю форму индивидуализации человека и то, насколько важно было осознание понятия образа (или близкого к нему) для этого процесса.

Начиная с Античности можно говорить о вполне изученных и хорошо описанных моделях индивидуализации или идентичности. В отечественной литературе уже давно активно используется классификация, включающая в себя личностную, индивидуалистскую, субъективистскую и персоналистскую модели построения границ Собственного [4, 5]. Особенности этих моделей проявляются и в процессе репрезентации образа человека, что закрепляется в символическом пространстве в виде сложившихся практик и канонов.

Греческая античность закрепляет границу между Собственным и Чужим, маркируя ее в образах героя, судьбы, свободы, и утверждая свое открытие в различных социальных явлениях от гражданского права до философии. Довольно болезненный выход из мифологического состояния, осознание себя вне мифологических категорий и возможность встречи с миром как с Чужим хорошо иллюстрируется историей жизни и смерти Сократа. Для него самого философия предполагает личное усилие, действие, разрывающее пределы коллективного мифологического убеждения.

Фоном для всего этого процесса становится город, греческий полис, который сам по себе представляет собой интересную смесь физического явления (стен, улиц, домов) и концепта (постоянства, сообщества, идеи гражданства). Многие исследования демонстрируют разнообразие способов репрезентации индивида в античном городе: от скульптур до рекламных вывесок, объявлений и надгробий. Само пространство города задает и средства, и специфику репрезентации в виде ее ценностных ориентиров: гражданство, профессия, деяния на пользу полиса. Личность репрезентируется в связи со своей ценностью для сограждан, фиксируя визуально через различные маркеры заслуги и достижения. Недавно осознанная и отвоеванная значимость личности начинает успешно конкурировать со значимостью публичного [1, с. 93–114]. Помимо мифологических сюжетов в храмах появляется традиция признания заслуг гражданина через увековечивание его образа в виде статуи. Спортсмены-победители, видные политики и потом философы получают право на личный образ вне мистического контекста. Они становятся новыми героями.

Римский период также известен такими примерами городской репрезентации, однако к ним добавляются и новые, связанные с представлениями об Империи. Помимо города (ставшего, в некотором смысле, единичным), значение приобретают и личные жилища, усадьбы, они также становятся местом символической наполненности. Их украшают и создают в со-

ответствии с модой и собственным вкусом, они также оказываются пространством репрезентации границ Собственного. Отдельного внимания заслуживают многочисленные римские надгробия, содержащие обильную информацию о судьбе граждан Империи. Причем надгробия более знатных граждан содержали все больше отсылок к мифологическим сюжетам, тогда как надгробия граждан более низкого сословия рассказывают именно об их земной жизни и буквально маршруте в Рим [6].

В культуре Средних веков по известным причинам появляется новая доминанта процесса выстраивания границ Собственного. Христианская мораль и христианская онтология с необходимой границей между телесным и духовным порождают особую символическую систему, пронизывающую все уровни культуры. Четкость и устойчивость сферы Собственного делают возможным индивидуальное переживание ее перехода. Молитва, исповедь, откровение и сама вера – это примеры таких переходов, которые закрепляются в визуальном коде христианской культуры. В этот период огромную роль играет статусно-церковная идентичность человека, его положение вассала – личная зависимость, которая формируется параллельно с представлением об индивидуальной ответственности перед Богом.

Становление индивидуалистской модели идентичности происходит на фоне сильного изменения статуса города по сравнению с Античностью. Городские практики репрезентации никуда не исчезают, однако самым значимым местом становится храм, а город располагается «вокруг храма». Подробные исследования убранств средневековых христианских храмов дают обильные примеры фиксации присутствия человека в нем, вплоть до табличек о щедрых пожертвованиях, именных скамейках и рельефных изображениях по заказу, часто коллективному [7]. Однако отдельное место занимает православная иконографическая традиция, представляющая особый вариант фиксации, схватывания образа. Идея подобия, заложенная в ее основание, и каноничность традиции вместе создают знак с совершенно новым статусом. Пространство храма также приобрело особую семиотическую нагруженность. В антропологии довольно много примеров пространств, повторяющих космологические представления народа, ими могут быть и жилища. Однако храм представляет собой не только пространственную, но и временную «рифму» ко всему христианскому миру, оставаясь вне времени и пространства. Это отражается в том, как в нем располагаются сюжеты Писания и образы святых. Храм в некотором смысле сам становится иконой мира.

Новое время ознаменовалось принципиально инновационным подходом к миру, человеку, его когнитивным способностям, практикам преобразования окружающей реальности. Формируется представление о человеке как субъекте познания. В качестве пространства репрезентации для этого периода предлагается рассмотреть текст. Не только из-за появления и развития печати, но и в связи с новым осознанием значимости нарратива и языка, что отражается и в философии, и в науке, и в проекте искусства. Текст здесь понимается не только как письменное слово, но в широком смысле. Текст Нового времени принципиально нов по отношению к тексту средневековой культуры. Конечно, можно говорить о том, что христианская традиция уже разворачивает понимание всего мира через символический код, часто воспринимаемый как текст. Но в контексте данного исследования следует провести четкую границу между средневековым и новоевропейским пространством репрезентации (включающим и этап Возрождения), поскольку речь идет о доминирующем пространстве, которое становится структурирующим для межличностной и межкультурной коммуника-

ции. Текст Библии, символический текст окружающего мира в Средние века – это все же не пространство коммуникации и свободного высказывания для человека, а способ понимания мира как божественного высказывания. В этом плане текст Нового времени имеет совершенно иного автора, а вместе с тем и новые каноны построения и восприятия.

В связи с этим уже рассмотренные выше пространства видоизменяются. На это указывают, в частности, активные реконструкции европейских городов и новые здания, чья функциональная и семиотическая особенность была подробно рассмотрена М. Фуко [8, 9]. Но интересно, что появляются и принципиально новые визуальные формы репрезентации: новые жанры живописи, развивающиеся с эпохи Возрождения, а в дальнейшем и фотография, кино, телевидение. Параллельно с их становлением формируется и дискурс, в котором они осознаются как средства репрезентации образа человека. В целом, можно сказать, что желание новоевропейского субъекта «узнать Другого» превращает все в текст.

Особенности современного типа идентичности – персоналистского – подробно рассматриваются в работах отечественных авторов: Б. Г. Соколова, Е. Э. Суровой, Е. Н. Шапинской, В. А. Куренного. Согласно их исследованиям, персоналистская идентичность отличается высокой степенью реактивности и изменчивости. В отличие от предыдущих типов идентичности ее легче представить не как статичную модель, а как стратегию, набор некоторых практик, очерчивающие границы Собственного. Во многом это задается и практиками репрезентации, которые сегодня активно разворачиваются в виртуальном пространстве (подробнее см. [10]). Новые инструменты репрезентации в сети Интернет, в первую очередь в социальных сетях, становятся сегодня такой же популярной темой гуманитарных исследований, как реклама пару десятилетий назад, как живопись и литература пару столетий назад, когда формировался искусствоведческий дискурс. Можно утверждать, что Интернет сегодня является главным пространством репрезентации, не вытесняя и не отменяя прежние пространства, но создавая свои правила знакового бытия человека. Стоит отметить, что Интернет представляет собой далеко не однородное (во всех смыслах) пространство. В данном контексте нас интересует Интернет как поле возможного диалога, а потому социальные сети являются главным объектом данного рассмотрения. Однако в то же время весь Интернет пронизан возможностью диалога (комментарии, форумы, легкость создания сайтов и проч.), а потому те тенденции, которые мы обнаруживаем при исследовании социальных сетей в разной степени, но применимы и для описания всего Интернета в целом.

Говоря о современной ситуации, исследователи разнообразного материала, найденного в массмедиа, используют понятия скорости и новизны. Здесь можно привести в пример как отдельные статьи последних лет (например [11–13]), так и уже классические тексты, на которых в таких статьях ссылаются (от неомарксистов и структуралистов до Стюарта Холла). Однако легитимность этих понятий при ближайшем рассмотрении можно поставить под вопрос. Новизна и скорость стали (по вполне понятным причинам, кроющимся в основе идеологии Нового времени) неотъемлемыми признаками будущего, а вслед за этим и актуального момента, как ступени в это самое будущее. Однако, как это часто бывает, иррациональная уверенность в качествах явления может и не подтверждаться практикой, если эту практику исследовать отстраненно.

В качестве привычных примеров новизны актуальных практик репрезентации стоит упомянуть скорость внутренних изменений и адаптации к внешним, полифоничность и от-

существование иерархии, высокое значение визуального компонента, адресацию сообщений один ко многим и многие ко многим, активное использование «готовых» маркеров и символических «заготовок», иконичность используемых знаков и особое пространственное измерение самого Интернета. Все эти качества представляются как новшество, отличающее социальные сети и Интернет в целом, и все они достойны более внимательного рассмотрения.

Начать стоит с убеждения о всевозрастающей скорости изменений и адаптации внутри современного репрезентационного пространства. Самый очевидный вопрос состоит в том, как мы можем это измерить, и на что опираемся в своих измерениях? Вполне возможно, что фиксировать изменения сегодня получается благодаря наличию и сохранению многочисленных постов и сообщений, в которых хранится вся информация, акты коммуникации и символического обмена. В них обнаруживаются мельчайшие сдвиги в темах, интересах и проч. Учитывая, что технические особенности предыдущих эпох не оставляли такого большого количества материала, невозможно утверждать, что и там не было подобных изменений, поскольку не было фиксации всех мнений и позиций. В современном мире мы обнаруживаем доминанты, существующие и пять, и десять, и двадцать лет, но мы также фиксируем (и потом эта фиксация остается в доступе) многочисленные изменения тенденций вокруг этих доминант.

Это ведет нас к следующей предполагаемой черте актуального пространства репрезентации – полифоничность и отсутствие иерархии. В определенном смысле она оказывается основополагающей, поскольку, как уже было показано выше, реальная ли, кажущаяся скорость изменений связана именно с ней. Однако следует четче определить это «отсутствие иерархии». Говоря таким образом, мы, чаще всего, сравниваем актуальную систему репрезентации с системой Нового времени, когда фиксация информации происходила через тексты, которые выстраивались в согласии с определенным регламентом. Сама практика книгопечатания и искусства (в его классическом виде) представляет собой жесткую цензуру и отсеивание маргинальных или даже просто недоминантных позиций. Разрушение этой иерархии благодаря современным техническим возможностям коммуникации довольно очевидно. Однако можем ли мы говорить при этом об отсутствии иерархии как таковой или же о подлинной новизне этой ситуации? Город в Античности был куда более полифоничен, чем новоевропейский текст. То же можно сказать и о средневековой символической традиции, выходящей за пределы регламентированного пространства храма.

При сравнении античного города и средневекового храма с современным знаковым пространством иначе высвечиваются и позиции, связанные с визуальностью и адресатами сообщений. Городские практики репрезентации изначально направлены на сообщество горожан, граждан и были пластическими, визуальными. То же можно сказать и об иконах и рельефах в церкви. Наиболее интересным здесь оказывается вопрос даже не об адресатах многочисленных визуальных сообщений, а об их авторе, растворяющемся в безликом в плане индивида, но вполне себе уникальном пространстве города. Конечно же, автором оказывается не город, а его граждане. Именно они ставят скульптуру Сократу через пять лет после его смерти, но вполне легитимным является высказывание, что это Афины заказывают работу скульптора.

Позиция авторства в церковном искусстве еще более сложная. Тем более что особый статус храма как сакрального, «нездешнего» места не позволяет нам перенести статус

автора с художника на группу прихожан. Иконография как особый вид регламента визуальной организации распространяется не только на отдельные изображения, но и общий план, и вид храма. Он буквально является иконой мира, созданного Богом. В связи с этим иконичность современного знакового пространства также перестает казаться чем-то принципиально новым. А вот говоря о европейских текстах Нового времени, уместнее сказать о символе, как главном типе знакового выражения. Здесь стоит вспомнить и о натюрмортах XVII в., и о парадных портретах XVIII и XIX вв. Особый знаковый код, который существует в культуре Нового времени на различных ее уровнях, больше тяготеет к конвенциональным или символическим взаимосвязям означающего и означаемого.

Если рассматривать Интернет и виртуальную коммуникацию, то разнообразие эмодзи и их довольно активное использование в виртуальной коммуникации уже демонстрирует именно иконичность визуального кода. Популярны инстаграмные фотожанры: селфи, фотографии из путешествий, спортзалов и ресторанов, демонстрация различных телесных практик от макияжа до тренировки в спортзале – также полны именно иконических знаков, создающих необходимые отсылки. Самолет – путешествие и свобода, спортивная форма – здоровый образ жизни и т. д. Подобные готовые маркеры используются как конструктор для репрезентации индивидуальных ценностей, опыта, значимых позиций и проч., т. е. в целом участвуют в создании виртуального образа человека. Сложно сказать, насколько это новая практика. По сути, любое из рассматриваемых тут пространств репрезентации предлагает определенный набор маркеров, которые в дальнейшем участвуют в той самой «спонтанной манифестации», о которой речь шла в самом начале статьи. Однако техническая доступность этих маркеров и правда представляется чем-то новым.

Иконичность также прочно связывается и с самим понятием пространства. В случае с Интернетом подобие получается с двойным дном. Изначально он мыслился в категориях пространства, представая такой вот виртуальной моделью, подобием мира с технически преодолимым расстоянием [14]. Эта аналогия, метафора сохраняется и до сих пор, однако появилось и новое видение, связанное с социальными сетями, которые представляют своего рода икону для социального сообщества как такового.

Заключение. Опираясь на все вышесказанное, стоит резюмировать, что отличительная и действительно новая черта Интернета как современного пространства бытования образов – это техническая доступность разнообразных средств, маркеров и знаков, которая значительно превышает доступность инструментов прошлых эпох. Эта доступность влечет за собой возможность для каждого человека манифестировать себя в этом виртуальном пространстве. Манифестация сохраняет спонтанность в связи с индивидуальностью фотографий, письма, интересов и проч., но несет в себе и осознанность через возможность редактирования и фиксации образа на длительное время. Если продолжить рассуждение с термином «икона» в его буквальном значении, то можно сказать, что современные практики репрезентации дают возможность каждому человеку создавать собственную иконографию, или же, если смотреть шире, иконографию Собственного. Здесь можно провести интересную аналогию с египетскими практиками визуального изображения человека, которые упоминались ранее. Современный человек создает свой виртуальный двойник, визуально и текстово, обставляя его бытие тем, что ему интересно, ценно и исключая стигматизирующие и неприятные черты. То есть страницы в социальных сетях оказываются сравнимы с росписью гробниц Древнего

Египта по их соотношению с действительностью и уровнем самостоятельного, сознательного сотворения человеком желаемого образа.

Получается, что, если рассматривать в целом различные исторические варианты знаковых пространств, то многие черты Интернета не кажутся такими уж и новыми. Серьезные отличия от предыдущей версии репрезентации образов через текст действительно присутствуют, однако есть и сходство с другими вариантами из прошлого: античным городом, средневековым храмом и даже еще более древними росписями. При этом все же возможно определить специфичность современного символического пространства через своеобразие сочетаний этих практик и их доступность. Новизна – очень значимое понятие для культуры Нового времени – совсем не обязательно должна быть критерием актуальности, а «не новое» не значит «устаревшее». Практики символического обмена скорее не развиваются и замещают одна другую, а надстраиваются и дополняются. В этом смысле интернет-пространство включает в себя и текстовые, и храмовые, и городские, и более древние черты пространств репрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дорофеев Д. Ю., Савчук В. В., Светлов Р. В. Иконография античных философов: история и антропология образов. СПб.: Платоновское философское общество, 2017.
2. Manley B. Egyptian art (World of art). London: Thames & Hudson Ltd, 2017.
3. Большаков А. О. Эрмитаж. Древний Египет. СПб.: Альфа-Колор, 2009.
4. Сурова Е. Э. Идентичность. Идентификация. Образ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
5. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. М.: URSS, 2012.
6. Бирд М. SPQR. История Древнего Рима / пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2020.
7. Зотов С., Майзульс М, Харман Д. Страдающее Средневековье. М.: АСТ, 2018.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
9. Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. М.: Смысл, 1998.
10. Сурова Е. Э., Васильева М. А. «Идентификационные композиции» современной социокультурной реальности // Культура культуры. 2014. Вып. 4. URL: <http://cult-cult.ru/identification-compositions-of-the-contemporary-socio-cultural-reality/> (дата обращения: 20.08.2020).
11. Говердовская М. А. Социальные медиа как феномен современного общества // Державинский форум. 2019. Т. 3, № 10. С. 50–55.
12. Литвинский В. М. От толерантности к отчуждению в цифровом формате // Антропологические и аргументационные основы межкультурной коммуникации. СПб.: Книжный дом, 2020. С. 103–109.
13. Утилова Н. И. Визуальная картина мира в отражении современных медиа // Вестн. ВГИК. 2019. Т. 11, № 1 (39). С. 110–119. DOI: <https://doi.org/10.17816/VGIK111110-119>.
14. Assmann A. The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention // Globalization, Cultural Identities, and Media Representations, in Genz, N. and Kramer, S. (eds.). NY: State Univ. of NY Press, 2006. P. 11–25.

Информация об авторе.

Васильева Марина Александровна – кандидат философских наук (2017), ассистент кафедры философии Санкт-Петербургского горного университета, 21-я линия, д. 2, В. О., Санкт-Петербург, 199106, Россия. Автор 19 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8874-4623>. E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com

REFERENCES

1. Dorofeev, D.Yu., Savchuc, V.V. and Svetlov, R.V. (2017), *Ikonografiya antichnykh filosofov: istoriya i antropologiya obrazov* [Iconography of Ancient Philosophers: History and Anthropology of Images], Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, SPb., RUS.
2. Manley, B. (2017), *Egyptian art (World of art)*, Thames & Hudson Ltd., London, UK.
3. Bolshakov, A.O. (2009), *Ermitazh. Drevnii Egipet* [Hermitage. Ancient Egypt], Al'fa-Kolor, SPb., RUS.
4. Surova, E.E. (2010), *Identichnost'. Identifikatsiya. Obraz* [Identity. Identification. Image], Izdatelstvo SPbGU, SPb., RUS.
5. Shapinskaya, E.N. (2012), *Obraz Drugogo v tekstah kul'turi* [The image of the Other in cultural texts], URSS, Moscow, RUS.
6. Beard, M. (2020), *SPQR. A History of Ancient Rome*, Transl. from English, Al'pina non-fikshn, Moscow, RUS.
7. Zotov, S., Maizul's, M. and Kharman, D. (2018), *Stradayushchee Srednevekov'e* [Suffering Middle Ages], AST, Moscow, RUS.
8. Foucault, M. (2015), *Surveiller et punir: naissance de la prison*, Transl. from French, Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
9. Foucault, M. (1998), *Naissance de la clinique: une archéologie du regard médical*, Transl. from French, Smysl, Moscow, RUS.
10. Surova, E.E. and Vasilyeva M.A. (2014), "Identification Compositions" of the Contemporary Socio-Cultural Reality", *Culture of culture*, no. 4, available at: <http://cult-cult.ru/identification-compositions-of-the-contemporary-socio-cultural-reality/> (accessed 20.08.2020).
11. Goverdovskaya, M.A (2019), "Social media as a phenomenon of modern society", *Derzhavin Forum*, vol. 3, no. 10, pp. 50–55.
12. Litvinskii, V.M. (2020), "From tolerance to alienation in digital format", *Antropologicheskie i argumentatsionnye osnovy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Anthropological and argumentation foundations of intercultural communication], Knizhnyj dom, SPb., pp. 103–109, RUS.
13. Utilova, N.I. (2019), "Visual picture of the world in the reflection of the modern media", *Journal of Film Arts and Film Studies*, vol. 11, no. 1 (39), pp. 110–119. DOI: <https://doi.org/10.17816/VGIK111110-119>.
14. Assmann, A. (2006), "The Printing Press and the Internet: From a Culture of Memory to a Culture of Attention", *Globalization, Cultural Identities, and Media Representations*, in Genz, N. and Kramer, S. (eds.), State Univ. of NY Press, NY, pp. 11–25, USA.

Information about the author.

Marina A. Vasilyeva – Can. Sci. (Philosophy) (2017), Assistant Lecturer at the Department of Philosophy, Saint Petersburg Mining University, 2 21 line, V. O., St Petersburg 199106, Russia. The author of 19 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8874-4623>. E-mail: ma.vasilyeva@gmail.com